

DOI: 10.24412/2470-1262-2024-3-59-70
УДК (UDC) 82-1/9

Yi-chun Wang,
Chinese Culture University,
Taipei, Taiwan
И-цзюнь Ван,
Университет Китайской Культуры,
Тайбэй, Тайвань

For citation: Yi-chun Wang, (2024).
“Ren” (仁), One of the Categories Of Ancient
Chinese Philosophy, in M.M. Prishvin’s Novel Zhen-Shen.”
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 9, Issue 3 (2024), pp. 59-70 (in USA)

Manuscript received 09/10/2024
Accepted for publication: 24/11/2024

The author has read and approved the final manuscript.
CC BY 4.0

“REN”(仁), ONE OF THE CATEGORIES OF ANCIENT CHINESE PHILOSOPHY, IN M.M. PRISHVIN’S NOVEL “ZHEN-SHEN”

«ЖЭНЬ» (仁) КАК ОДНА ИЗ КАТЕГОРИЙ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ПОВЕСТИ М.М. ПРИШВИНА «ЖЕНЬ-ШЕНЬ»

Abstract:

The conflict between Russia and Ukraine has caused global instability, leading to a decline in the number of students interested in studying Russian at universities in Taiwan. In our interconnected world, educators must demonstrate to students that learning Russian language, culture, and literature is crucial for fostering peace and mutual understanding among nations. Literature encourages us to contemplate tolerance and mutual understanding, which is especially vital during international conflicts, including the escalating tensions in the Taiwan Strait, exacerbated by the war in Ukraine.

The linguistic richness of M.M. Prishvin’s prose reveals to us the inexhaustible treasure trove of the Russian language. In the novella “Ginseng,” not only the ethical and moral values of M.M. Prishvin are presented in this work, but it can be resonated with one of the categories of ancient Chinese philosophy – “Ren” (仁) “benevolence, humanity”. The article examines the ideas of humanism, the unity of nature and man, and the mission of man on earth.

Keywords: Ginseng, Ren, nature, ancient Chinese philosophy

Аннотация:

Война России с Украиной привела к глобальной нестабильности. В этих условиях желающих изучать русский язык в университетах Тайваня неизбежно стало меньше. Живя в одной глобальной деревне, преподаватели обязаны уметь доказать учащимся, что языковое образование в области русского языка, культуры и литературы является

одним из ключей к миру и взаимопониманию между народами и странами. Литература учит размышлять над проблемами толерантности и взаимопонимания, что особенно важно в обстановке международных конфликтов, в том числе и в ситуации в Тайваньском заливе, обострившейся на фоне войны в Украине.

Языковое богатство прозы М.М. Пришвина показывает нам неисчерпаемую сокровищницу русского языка. В повести «Жень-Шень» отражаются этические и нравственные ценности М.М. Пришвина, которые созвучны одной из категорий древнекитайской философии – «Жэнь» (仁) «человеколюбие, гуманность». В статье рассматриваются идеи гуманизма, единения природы и человека, миссии человека на земле.

Ключевые слова: Жень-Шень, Жэнь, природа, древнекитайская философия

Введение

Война России с Украиной привела к глобальной нестабильности. В этих условиях желающих изучать русский язык в университетах Тайваня неизбежно стало меньше. Живя в одной глобальной деревне, преподаватели обязаны уметь доказать учащимся, что языковое образование в области русского языка, культуры и литературы является одним из ключей к миру и взаимопониманию между народами и странами. Литература учит размышлять над проблемами толерантности и взаимопонимания, что особенно важно в обстановке международных конфликтов, в том числе и в ситуации в Тайваньском заливе, обострившейся на фоне войны в Украине.

Языковое богатство прозы М.М. Пришвина показывает нам неисчерпаемую сокровищницу русского языка. Писатель является «певцом русской природы» (К.Г. Паустовский). М.М. Пришвин описывает природу с большой нежностью и трепетом. В центре внимания автора находится связь и отношения человека и природы. Для него природа – это чуткое живое существо, наделенное душой. Человек и природа гармонично взаимодействуют и вечно связаны лишь в условиях, когда человек чувствует себя частью великого целого. Эта тема вечна, актуальна во все времена. В повести «Жень-Шень» (1933 г.) М. Пришвин размышляет об этом, указывая на важность этой темы. Во время русско-японской войны главный герой, химик-сапер, осознает бессмысленность войны. «Как не задуматься о силе человека на земле, если даже оледенение субтропической зоны не могло выгнать зверей, но от грохота человеческих пушек в 1904 году в Маньчжурии они бежали, и, говорят, тигров встречали после далеко на севере, в якутской тайге. Вот и я тоже, как звери, не выдержал» [17, с.6]. Молодой герой ушел из армии и оказался на северо-востоке Китая – Маньчжурии. Там он познакомился с добрым местным китайцем Лувеном, они живут и работают вместе. Сначала герой оказывается на пересечении двух культур – восточного и западного мировоззрения. Постепенно герою становится всё ближе мировосприятие Лувена. Маньчжурская флора и фауна, встреча с Хуа-лу и поиски корня жизни помогают герою понять, в чем суть жизни и что человек, укорененный в природе, есть ее часть, и не должен причинять вред другим и природе. В повести «Жень-Шень» отражаются этические и нравственные ценности М.М. Пришвина, которые созвучны одной из категорий древнекитайской философии – «Жэнь» (仁) «человеколюбие, гуманность». В статье рассматривается «Жэнь» (仁) как одна из категорий древнекитайской философии в повести М.М. Пришвина «Жень-Шень».

Обзор литературы

«Жень-Шень» считается одним из сибирских текстов («Черный араб» (1910), «Заворошка» (1913), «Архары» (1921), «Жень-шень» (1933), «Золотой рог» (1934))

Пришвина, которые созданы автором по маршрутам трех путешествий в Сибирь. Изначально исследовательская литература демонстрировала биографический и краеведческий подход в изучении сибирских текстов М.М. Пришвина. Например, работа Н.П. Дворцовой [4, с.8-18]. По мнению Н.П. Дворцовой, в современной науке появились новые возможности для изучения сибирской темы в творчестве Пришвина. Они связаны с двумя факторами: с завершением в 2017 г. публикации «Дневников» Пришвина в их полном объеме (1905–1954) и с изучением «пространственного поворота» [Подробно см.: 5, с.167]. Современная наука позволяет по-новому оценить творчество Пришвина, выделив биографическую и художественную версии, понять значение трех его сибирских путешествий в XVI-XIX веках. Сибирь Пришвина характеризуется свободой, мощной природой и самосознанием, поиском идентичности.

Некоторые работы ученых посвящены анализу мифологии повести «Жень-Шень». Например, в работе Н.Н. Иванова, С.Н. Волковой, К.О. Цивилёвой рассматривается мастерство Пришвина в интерпретации мифологии, связывающее его с русским неореализмом. Исследуется использование Пришвиным архетипов и мотивов в философии, эстетике и поэзии, выделяется их функциональное назначение. По словам ученых, автор «...в повести «Жень-шень» приступил к совершенствованию форм жизни, что, по Пришвину, является «требованием человеческого смысла» [8, с.226]. В статье Трубициной Н.А. анализируется работа Пришвина «Жень-Шень», исследуется, как автор синтезирует мифологическую и реальную географию, чтобы выявить отличительные черты европейской и восточной культур [подробно см.: 19, с.78-90]. Исследователи уделяют внимание и сравнительному анализу произведений, который позволяет выявить своеобразие художественных текстов, идиостиль автора, особенности построения и жанровые характеристики. Такой подход в изучении творчества М. Пришвина реализовали такие исследователи, как Ли Гэнь, Мохнаткина Ю.С., Гаганова А.А., Едошина И.А., Лишова Н.И. [2, с.194-202; 7, с.140-145; 10, с.82-90; 11, с.30-33; 14, 165 с.].

Нужно отметить, что в Китае творчество М.М. Пришвина стало объектом всестороннего анализа многих учёных. По мнению Го Ли, в Китае профессор Пекинского университета Пэн Кэсюнь (彭克巽) детально изучал творчество М.М. Пришвина. Пэн отмечает, что в произведениях Пришвина восхваляет упорство человека, его творческие силы и красоту природы, а повесть «Женьшень» подчеркивает важность уверенности, смелости и творческого начала в душе человека [подробно см.: 3, с.309]. Го Ли, подводя итоги, отметил, что «китайские исследователи в основном пишут об изображении природы, философии природы, экологической идее и мифологических мотивах в творчестве Пришвина, уделяют внимание его духовным исканиям и художественному своеобразию его произведений. Образ Китая и китайцев в творчестве Пришвина также находится в фокусе исследования» [3, с.313]. В данной статье выявлены взаимоотношения безымянного героя со стариком Лувеном, являющимся представителем восточного образа жизни. Продолжение и углубленное исследование темы восточной культуры в произведении, исходя из концепции «Жэнь», является основой данного исследования.

Методы

В статье рассматриваются методы культурологического анализа поведения героя, акцентируется внимание на его духовно-нравственном преображении во время общения со стариком, олицетворяющим китайскую культуру. Также и используется аналитический метод, позволяющий рассматривать «диалоги» западной культуры с древнекитайской философией.

Результаты и дискуссия

1. Из-за пандемии коронавируса многие страны закрыли границы. Но в период пандемии люди все равно имели возможность получить достоверную информацию и могли работать,

учиться, общаться в дистанционном режиме с использованием цифровых технологий. Наоборот, всякая война меняет людей, вынужденных покинуть родные дома. Люди даже не имели возможности попрощаться с умершими родственниками. Война отняла у людей все. Душа каждого человека по-своему ранена, повреждена. Война России с Украиной привела к глобальной нестабильности. Война в Украине напоминает некоторым тайваньским жителям ситуацию в Тайваньском заливе. Живя в одной глобальной деревне, люди должны искать точки соприкосновения, уважая различия. В ситуации войны в Украине преподаватели обязаны уметь доказать учащимся, что языковое образование в области русского языка, культуры и литературы является одним из ключей к миру и взаимопониманию между народами и странами. Литература в глубинном подтексте учит размышлять над проблемами толерантности и взаимопонимания. В повести «Жень-Шень» утверждается родство человека и природы, отражаются этические и нравственные ценности М.М. Пришвина. «Природа у Пришвина величава и проста одновременно, писатель намеренно акцентирует внимание читателя на чувстве любви ко всему живому, утверждает общечеловеческие ценности...» [16, с.177]. Художественная философия автора созвучна одной из категорий древнекитайской философии – «Жэнь» (仁) «гуманизм, гуманность, любовь к людям, человеколюбие, милосердие». В статье рассматриваются глубокие смыслы повести, идеи гуманизма, единения природы и человека, миссии человека на земле.

2. Основным принципом конфуцианской этики является понятие «Жэнь» (仁). В древнем Китае иероглиф 仁 имеет разные этимологические интерпретации. «Классический китайский словарь «Шовэнь цзецзы», созданный Сюй Шэнем на рубеже I-II в. н.э., комментирует иероглиф «仁» следующим образом: «仁 жэнь, означает «близость» (親 цинь). Произошёл от графем «человек» (人 жэнь) и «два» (二 эр). 𠄎 – древняя форма 仁 жэнь, произошла от графем «тысяча» (千 цянь) и «сердце» (心 синь), древняя форма 仁 жэнь, вероятно, произошла от графемы «сидящий человек» (尸 ши)» [1, с.97]» [18, с.640].

«Жэнь» (仁) – это этическая концепция, которая стала важной частью конфуцианства. До Конфуция уже существовало понятие «Жэнь». В учении Конфуция «Жэнь» имел особую значимость, ему уделялось большое внимание. Многие ученые считают, что «Жэнь» лежит в основе мысли Конфуция. После смерти Конфуция его ученики собрали и составили высказывания Конфуция и его диалоги с учениками. Получилась известная книга «Лунь юй» («Суждения и беседы»). Категория «Жэнь», являющаяся главным смыслом «Лунь юя», употребляется в книге 109 раз. Категория «Жэнь» в «Лунь юе» неоднозначна. Приведем смыслы категории «Жэнь» в учении Конфуция [12, с.36-50]:

(1) «Жэнь» (仁 – человеколюбие) – это сущностная черта человека, которая отличает его от животного. Призвание человека в осуществлении гуманного принципа жизни. Вместе с тем человеколюбие представляет собой высший идеал и цель, к которым стремится человеческая жизнь.

(2) Распространение человеколюбия – важный шаг к осуществлению высочайшего социального идеала.

(3) Человеколюбие как нравственная черта формируется постепенно, в каждодневной практике. Поскольку «жэнь» (仁) означает любовь к человеку, то принцип человеколюбия можно претворять в жизнь путем распространения чувства любви к себе самому и близким на других.

Конкретное проявление жэнь – «чжун» (忠) и «шу» (恕). «Чжун» – это желание принести добро другому человеку, а «шу» – это взаимность, непричинение зла другому ради своей выгоды. В «Лунь юе»: «Не делай другому человеку того, чего не пожелаешь себе» (Глава XII.2. «Янь Юань...») (己所不欲 勿施於人. 論語 顏淵第十二之九) [139]. Мэн-цзы заметил: «Любите по-родственному родителей и будете нелицеприятными к народу; будьте нелицеприятными к народу и будете жалеть всех тварей». («Всем сердцем...») (親親而仁民 仁民而愛物 孟子卷盡心上) [15, с.200]. Таким образом, любовь не только к близким, но и к природе, ко всему. Такая любовь получила общечеловеческую

идею – единение неба и человека. Гуманизм (от латинского *humanus* – человеческий, человеческий) – это мировоззрение, которое утверждает ценность человека. Человек имеет право на жизнь, свободу, счастье, личную неприкосновенность. В повести «Жень-Шень» автор хочет донести мысль о том, что идея гуманизма принадлежит разным народам, культурам. Такая философская идея включает не только нравственную силу, но и общественные ценности. Гуманизм образует основу духовного, нравственного развития личности, уважает самоценность разных этносов, природу, содействует сотрудничеству и взаимопониманию всех людей нашей планеты.

3. В повести молодой герой не видел смысла войны и сознательно ушел с войны. Он покинул поле кровавой битвы и отправился в Маньчжурию. Героя с детства манила природа. Для него Маньчжурия как рай. «И вот я будто попал в какой-то по моему вкусу построенный рай» [17, с.7]. Там герой встретил китайского старика Лувена, который раньше был жестоким охотником, но испытывал душевное смятение, и с ним произошло духовное преображение. Образ старика живо запечатлился в воображении героя: мудрость и простодушие: «... лицо его было сплошь покрыто мелкими морщинами, цвет кожи был землистый, глаза, едва заметные, прятались в этой сморщенной коже, похожей на кору старого дерева. Но когда он улыбнулся, то вдруг загорелись черным огнем прекрасные человеческие глаза, кожа разгладилась, оцветились губы, сверкнули еще белые зубы, и все лицо во внутреннем смысле своем стало юношески свежим и детски доверчивым» [17, с.8]. Старик привлек героя своим таким родственным взглядом и отношением. Постепенно герой подошел к мирозерцанию Лувена так близко, что они создали общее дело с чистой совестью. Проявляя человеколюбие, Лувен оказал бескорыстную помощь герою, который реально в ней нуждался. Одна из основных идей Конфуция «Жэнь»: человеколюбие – любовь к людям. Конфуций ответил на вопрос ученика Фань Чи о человеколюбии. Учитель ответил: «Это значит любить людей» (Глава XII.22. «Янь Юань...») (樊遲問仁。孔子道：愛人。論語/顏淵第十二之22) [12, с.151]. «Категория «Жэнь» является плодом внутренней рефлексии одного человека, и этот человек переживал в своём собственном «жизненном мире» нечто, что нашло своё выражение в данной категории» [9, с.181]. Автор в повести «Жень-Шень» передает гуманистическую мысль и возвращается в своих размышлениях к мысли о любви человека ко всему живому и природе.

4. Понятие родственного внимания к природе и человеку раскрывается М.М. Пришвиным в «Дневниках» за 1905-1939 годы. Истолкование мысли образа «родственного внимания» в повести «Жень-Шень» (1933) является эстетической, философско-этической частью мировоззрения писателя. «Родственное внимание» – это ключевой лейтмотив повести. Молодой герой заметил, что Лувен относился ко всякому существу с родственным вниманием. Этот мудрец умел «все на свете оживлять», видел «мир в свете родственного внимания». Герой постепенно погрузился в размышления о том, что человек должен ощущать родство с людьми и природой: «Мало-помалу выученное в книгах о жизни природы, что все отдельно, люди – это люди, животные – только животные, и растения, и мертвые камни, – все это, взятое из книг, не свое, как бы расплавилось, и все мне стало как свое, и все на свете стало как люди: камни, водоросли, прибои и бакланы, просушивающие свои крылья на камнях совершенно так же, как после лова рыбаки сети просушивают» [17, с.19]. Т.Ю. Хмельницкая считает, что «родственное внимание выражается, в первую очередь, в наделении человеческими качествами (в одушевлении) природных персонажей» [20, с.141]. Автор с любовью рассмотрел особенность и индивидуальность каждого существа, участника жизни. Чувство любви к живому и природе с такой чертой, как гуманность, не только предполагает созерцательное отношение, но и формирует глубокое эстетическое содержание. Всё приобретает олицетворенный характер и гармонично соединяет

внешнее проявление с внутренним ощущением. О ручье: «... можно было постоянно слушать его неровную песню, иногда похожую на радостный, но сильно приглушенный разговор. Когда я прислушался в первый раз к этому разговору, мне представилось, будто существует «тот свет» и там теперь все разлученные, любящие друг друга люди встретились и не могут наговориться днем и ночью, недели, месяцы...» [17, с.9]. О бабочках: «Нам пришлось развести костер для защиты, и тогда сразу же на огонь собрались к нам бесчисленные ночные бабочки, и так много их было в эту сырую и жаркую ночь, что явственно слышался шелест крыльев. Этого я никогда не слышал: так много бабочек, что слышится в ночном воздухе шелест. Будь я простым и здоровым, как было еще так недавно, я не придумал бы этому шелесту такого особенного значения, как это было сейчас: шелест жизни!» [17, с.21]. О цветах: «...тут я научился понимать трогательную простоту рассказа каждого цветка о себе: каждый цветок в Зусухэ представляет собою маленькое солнце, и этим он говорит всю историю встречи солнечного луча с землею» [17, с.13]. Об окружающем мире: «Никогда не забыть мне этого часу, как солнце вышло из тумана и вся орошенная паутина засверкала бриллиантами, жемчугом, и сколько тут было цветов, и какие!» [17, с.67].

Чувство любви к природе рождает радость бытия, зовет человека к наслаждению миром, к прониканию в суть мира. Когда человек относится к природе с любовью, в природе он получает утешение и понимание своих переживаний и обретает счастливый покой. В повести «Жень-Шень» природа для героя – это нечто большее, чем просто окружающая среда. Метафорический смысл «камень-сердце» связан с переживанием героя, когда его покинула любимая женщина: «У самого моря был камень, как черное сердце... камень этот, похожий своей формой на сердце, если прилечь на него плотно грудью и замереть, как будто от прибоя чуть-чуть покачивался. Но я верно не знаю, и возможно ли это. Быть может, это не море и камень, а сам я покачивался от ударов своего собственного сердца, и так мне трудно было одному и так хотелось мне быть с человеком, что этот камень я за человека принял и был с ним как с человеком» [17, с.19]. Герой живет в одном ритме с природой, движение волн он ощущает как биение собственного сердца, он чувствует природу всеми органами чувств, всем телом, зрением и слухом: он слышит разговор ручья, шелест бабочек – как звуки жизни, любит цветы, восходом солнца, паутиной в алмазной росе. Человек открыт миру для того, чтобы вступить с ним в тесное общение, которое предполагает неразрывную связь, сочувствие и понимание: «...После того я лег на камень и долго слушал; этот камень-сердце по-своему бился, и мало-помалу все вокруг через это сердце вступило со мной в связь, и все было мне как мое, как живое» [17, с.19]. Сейчас много говорят и пишут об эмпатии. Люди, лишённые её, способны на страшные преступления, так как не могут почувствовать боль, страх, страдания других. В мире неоправданных амбиций, гордыни возникают войны, преступления против человечности, истребление всего живого, нанесение непоправимого вреда человеку и природе. Всё это, к сожалению, мы видим сегодня в нашем современном мире.

Война в Украине, похищения детей, разрушения и повреждения гидроэлектростанций, в том числе и атомных, сознательная организация экологических катастроф, угрозы применения ядерного оружия – всё это следствие страшной неспособности сопереживать, равнодушия, которое лежит в основе полного расчеловечивания. Каким контрастом звучат слова повести, будто призванные заставить людей задуматься, вернуть их к истокам любви и сочувствия ко всему живому: «Вот скала. Из ее бесчисленных трещин, как из слезниц, влага вытекает, собирается крупными каплями, и кажется - скала эта вечно плачет. Не человек это, камень, я знаю хорошо, камень не может чувствовать, но я такой человек, так душа моя переполнена, что я и камню не могу не сочувствовать, если только вижу своими глазами, что он плачет как человек. На эту скалу опять я прилег, и это мое сердце билось, а мне казалось, что у самой скалы билось сердце. Не говорите, не говорите,

знаю сам, — просто скала! Но вот так же мне нужно было человека, что я эту скалу, как друга, понял, и она одна только знает на свете, сколько раз я, сливаясь с ней сердцем, воскликнул: «Охотник, охотник, зачем ты упустил ее...» [17, с. 23].

5. Воплощением красоты природы является Хуа-лу. Ее прекрасные глаза глубоко проникают в душу героя. Порывистые движения души и внезапно охватывающий восторг при виде красоты тесно соединяют природу и человека, которые проявлены в этом единстве. Герой до глубины души тронут красотой Хуа-лу. Это особый художественный, эстетический и философский образ, многогранный и глубокий. В нём объединены фауна и флора (олень-цветок), слиты красота, любовь, доброта и эмпатия, неприятие жестокости и эгоистического, потребительского отношения к миру. Все красиво и прекрасно по-своему. Герой видит красоту мира родственным вниманием, заимствованным у Лувена, и в душе героя был другой человек, который победил себя прежнего и отказался поднять руку на другое существо: «... захватили все мое внимание прекрасные черные блестящие глаза – не глаза, а совсем как цветок, – и я сразу понял, почему китайцы этого драгоценного оленя зовут Хуа-лу, значит – олень-цветок. ...Так трудно было представить себе того человека, кто, увидев такой цветок, прицелился в него из ружья и пустил свою страшную пулю: дырочка от пули так и светилась» [17, с.11]. Человек не возвышается здесь над слабым животным, они оба – часть единого мира, они родственны: «...Тут я заметил на левом ухе дырочку от пули и с большой радостью, как будто друга встретил, узнал в ней ту самую ланку, которая топала на меня возле горного ручья» [17, с.14]. Неслучайно именно с этим поэтичным образом оленихи связана одна из самых сложных внутренних проблем человека: «Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим. Но во мне еще был другой человек, которому, напротив, не надо хватать, если приходит прекрасное мгновение, напротив, ему хочется то мгновенье сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда» [17, с.15]. И хотя красота побуждает человека стремиться к обладанию ею, но именно она и рождает в итоге лучшие проявления души человека: «Я как охотник был себе самому хорошо известен, но никогда я не думал, не знал, что есть во мне какой-то другой человек, что красота, или что там еще, может меня, охотника, связать самого, как оленя, по рукам и ногам. Во мне боролись два человека. Один говорил: «Упустишь мгновенье, никогда оно тебе не возвратится, и ты вечно будешь о нем тосковать. Скорей же хватай, держи, и у тебя будет самка Хуа-лу, самого красивого в мире животного». Другой голос говорил: «Сиди смирно! Прекрасное мгновенье можно сохранить, только не прикасаясь к нему руками» [17, с.15]. Внутренний конфликт героя начинается с того момента, когда он увидел Хуа-лу, он «боролся с собой и не дышал» [17, с.15-16]: его охватило неудержимое желание сделать своим это чудо природы. В его душе столкнулись два одинаково сильных стремления. С одной стороны, мечта любого охотника: «У тебя будет самка Хуа-лу» (т.е. схватить, присвоить), а с другой – веление сердца: оставить чудо нетронутым и так закрепить в себе навсегда. Прекрасное мгновенье можно сохранить (т.е. не разрушая, любоваться). С трудом пережив и переборов страстное желание обладать, герой приблизился к единству природы. Мы находили созвучные идеи у Конфуция: «Преодолеть себя и вернуться [в словах и поступках] к Правилам» – в этом заключается человеколюбие. ... человеколюбие зависит от самого человека, как оно может зависеть от других людей? (Глава XII.1. «Янь Юань...») (克己復禮為仁。... 為仁由己，而由人乎哉? 論語/顏淵第十二之1) [12, с.139].

Глаза и душа радуются красоте. Благодаря красоте человек ощущает, видит особенность каждого участника жизни природы и относится ко всему и всем нежно и бережно. Например, каждый олень прекрасен и неповторим и получил свое имя: «Тут был могучий Серый Глаз – властитель оленей; буковатый Черноспинник с мрачным загадом в глазах; Щеголь – молодой трехлетний олень, собранный весь в струнку, с

очень редкими у пятнистых оленей большими карими глазами; Мигун – небольшой, но коренастый и очень добродушный: если посмотреть ему прямо в глаза, то он непременно мигает; Развалистый и Круторогий, по-видимому – родные братья: у всех оленей пятна разбросаны в беспорядке, а у этих белые пятнышки располагались по красной шерсти правильными рядами, наверно от одной, такой же, ланки» [17, с.52-53]. Красота открывает в человеке даже ему самому неведомые прекрасные черты, помогает самопознанию. Поистине, красота спасает мир. Кроме раскрытия этой вечной идеи, слова Пришвина связаны и с одной из самых острых проблем нашего времени. В книге «Наше общее будущее» отмечается: «В своем самом широком смысле стратегия устойчивого развития направлена на достижения гармонии между людьми и между обществом и природой» [6, с.68]. Отношение героя в повести Пришвина к природе созвучно этой современной концепции и основополагающим принципам экогуманизма. Гуманизм как одна из общих ценностей человечества основан на том, что человек воспринимает природу не только как место обитания, но и как составляющую мироздания, равноценную человеку. М. Пришвин заметил в этой повести: «...я (герой) никаких особенных преимуществ перед ним (камень-сердце) не имею» [17, с.20]. Человек должен уметь смиряться, чтобы быть с миром, с природой вместе. Это гуманное отношение к защите окружающей среды и биосферы и возвращение к традиционным культурным ценностям.

6. В повести «Жень-Шень» Пришвин раскрывает свою концепцию счастья. Для героя жизнь в Маньчжурии счастливая: «Долго я любовался с высоты, считая себя по всей правде счастливейшим в мире человеком, и, закусив, начал с гольцов спускаться в кедровник, а из кедровника мало-помалу вступил в широколиственный лес маньчжурской приморской природы» [17, с.8]. Он умеет чувствовать и перенимать настроение природы, с благодарностью пользоваться её дарами: «...вся широкая отвесная скала немного сочится, всегда мокрая, всегда блестит, и эти ее бесчисленные струйки сливаются внизу в открытый и веселый поток. Никогда не забуду я этого счастья! Какая награда мне была за весь мой нелегкий переход искупаться в этом потоке!» [17, с.10]. Счастливым может быть только человек с открытой миру душой, способный восхищаться окружающим, признавать его ценность. Это особая составляющая счастья. Это восторженное состояние проявляется в том, с каким восхищением описывает Пришвин природу, в богатстве метафорических и образных средств: «Никогда не забыть мне этого часу, как солнце вышло из тумана и вся орошенная паутина засверкала бриллиантами, жемчугом, и сколько тут было цветов, и какие! Там в жемчужных бусах азалия, там в каких-то алмазных чепчиках саранка и лилия, там строитель серебристой ниточкой захватил этот белый и нежный цветок эдельвейс и тоже притянул его к своему строительству утренней радости. Такое богатство драгоценных камней только в арабских сказках можно найти, но и их удивительная арабская фантазия не могла создать такого богатого, такого счастливого калифа, как я» [17, с.67]. Свобода выбора тоже необходима для счастья, поскольку каждый человек уникален и имеет право строить свою жизнь в соответствии со своими собственными приоритетами, определять свою родину не там, где родился, а там, где стал счастлив. «Не там родина, думалось мне, где ты просто родился, а вот родина, где ты это понял, что нашел свое счастье, пошел навстречу ему, доверился, отдался, а оттуда в тебя, в ту самую точку, где находится счастье, начали стрелять» [17, с.20]. Счастье неразрывно связано с возможностью творческой реализации, которая невозможна в отсутствии свободы выбора. Но еще труднее понять, в чем этот выбор должен состоять. «Какая глубина целины, какая неистощимая сила творчества заложена в человеке, и сколько миллионов несчастных людей приходят и уходят, не поняв свой Женьшень, не сумев раскрыть в своей глубине источник силы, смелости, радости, счастья!» [17, с.67]. Основой счастья является труд, знание, любящая семья. Но самое главное – это присутствие во всем «родственного» отношения к миру: «Я ищущу

ежедневно всякого повода соединить методы современного знания с силой родственного внимания, заимствованного мной у Лувена. Итак, вот у меня есть заманчивое дело. У меня есть друг-жена и милые дети. Если смотреть на людей, как они живут, то я могу себя назвать одним из самых счастливых людей на земле» [17, с.77].

7. Повесть называется «Жень-шень», так писатель подчеркнул самое важное, центральный концепт своего произведения. Трудно найти корень, но еще трудней дожидаться, когда он вырастет, созреет. Тут необходимо терпение, уважение к закону природы, которую нельзя торопить, можно только оберегать и ждать, смилив свое эго. Корень растет десятилетия, как человек, на которого он похож даже внешне. Корень может погибнуть и не вырасти, замереть на долгие годы – как человек, который остановился в своем развитии, потому что еще нужно время. Найти свой женьшень, не потерять его, сохранить – это и значит состояться, понять свое предназначение, свой путь, раскрыть творческий потенциал. Без этого нельзя быть счастливым. Каким бы индивидуальным ни был путь человека, главное – научиться родственному вниманию ко всему живому, научиться сопереживанию, жить в мире с людьми и с природой. В сложной ситуации люди помогают друг другу: «Тогда Лувен дал знать своим друзьям – и русские люди были спасены от голодной смерти только этой китайской помощью. Так вот тут-то я и научился понимать, на всю жизнь, не по книгам, а на примере, что культура не в манжетах и запонках, а в родственной связи между всеми людьми, превращающей даже деньги в *лекарство*» [7, с.24]. Но самое главное – желание понять другого человека, интерес к другому, к его сущности: «– Моя сейчас понимай, как твоя. – Тогда я всмотрелся в Лувена и вдруг наконец-то понял его: не жизнь летающих светляков, не обвал под землей, не шелест жизни бесчисленных бабочек занимали Лувена, а я сам. Он-то все это живое давным-давно принял к сердцу и жил в этом и, конечно, по-своему все понимал, но ему важно было через мое внимание к этому понять меня самого. И, конечно, он тоже хорошо знал, кого от меня увез пароход» [17, с.21-22]. Лувену важно не только понять всё самому, но и взглянуть на мир глазами другого человека. Если бы люди сейчас помнили об этом, были бы научены этому, то взаимопонимание было бы высоким, что исключило бы конфликты и столкновения, которых, к сожалению, так много в современном мире, где каждый слышит только себя, только свою точку зрения считает правильной и отмечает все другие. Другой бедой нашего времени можно считать то, что люди общаются формально, не вникая в суть. За протоколами и официальными фразами не слышно голоса сердца живых людей. В повести М. Пришвин дважды произносит одно точное определение: *живая тишина* [17, с.33, 76]. Если мы найдем в душе равновесие, мы почувствуем себя более свободными и спокойными. «Вот сущность глубинного единения мира и человека. Здесь все живет вместе, в безыскусной совместности помимо формальностей. Залог великого многоцветия жизни – ее *неукоснительное* единство» [13]. Подчеркивая метафорический смысл поисков женьшеня, Пришвин писал: «Я часто езжу по своим большим делам в Москву, в Токио, Шанхай. И на улицах этих больших городов чаще вспоминаю свой Жень-шень, чем в тайге. Вместе со всеми тружениками новой культуры я чувствую, что из природной тайги к нам в нашу творческую природу перешел Корень жизни и в нашей тайге искусства, науки и полезного действия искатели корня жизни ближе к цели, чем искатели реликтового корня в природной тайге» [17, с.75].

Как мы уже отмечали выше, чтобы найти свой путь, свой корень – главный смысл жизни, человеку бывает необходимо сделать свой выбор. И здесь, помимо личных предпочтений, его ведет совесть. Лувен отказался быть жестоким охотником, отказался от власти денег. Главный герой не захотел убивать, нашел в себе силы вырваться из кровавой войны, не позволил инстинкту охотника взять верх над сердцем и разумом. Любовь к природе выступает как часть жизни героя, включает героя в общий круг

родственной жизни. Но его совесть всегда должна бодрствовать. В конце повести герой сказал: «Не человек это – камень, я знаю хорошо, камень не может чувствовать, а между тем я так сливаюсь с ним своим сердцем, что слышу, как у него там где-то стучит, и тогда я вспоминаю прошедшее, делаюсь сам совершенно таким же, как был в молодости. Перед глазами моими в виноградный шатер Хуа-лу просунет копытце. Является все прошлое со всей его болью, и тогда, как будто совсем ничего не нажил, говорю вслух своему истинному другу, сердцу-скале: – Охотник, охотник, зачем ты тогда не схватил ее за копытца! Похоже, как будто в эти болезненные дни я сбрасываю с себя все созданное, как олень свои рога, а потом возвращаюсь в лабораторию, в семью и снова начинаю работать и так вместе с другими тружениками, безвестными и знаменитыми, мало-помалу вступаю в предрассветный час творчества новой, лучшей жизни людей на земле» [17, с.77-78]. У камня, из которого течет вода – символ изменчивости и в то же время символ времени, обновления, – герой, отказавшийся от личного обладания прекрасным, признавший право другого существа на свободу, на собственную жизнь, – этот человек через годы с тоской и болью сожалеет, что не схватил оленюху за копытца. Тот миг определил его жизнь, его нравственный выбор. Но человек многое несет в своей душе, рядом с лучшими побуждениями таятся и не столь высокие. В точке неизбежного обновления жизни, которое, по М. Пришвину, проходит через отрицание прошлого, важно не потерять прежних нравственных достижений, не впустить в себя «охотника» вновь. Согласно трактату «Лунь юй»: «Тот, кто стремится претворить человеколюбие, не сотворит зла» (Глава IV.4. «Община и человеколюбие...») (苟志於仁矣，無惡也。論語/里仁篇第四之4) [12, с.33]. Вот почему такое большое значение имеет сейчас обращение к сокровищницам прошлого, которые собраны разными культурами и народами. Воплощенные на разных языках, в разных формах и символах, эти собрания становятся вечными источниками духовности, гуманизма. Творчество Михаила Пришвина является таким источником и демонстрирует нам то, какую роль играет русская культура в этом общем гуманистическом направлении.

Заключение

Война создает нестабильную атмосферу в мире, человек проявляет себя как слабое несовершенное существо. Как обрести устойчивую гармонию жизни, осознать актуальность гуманизма как высшей общечеловеческой ценности? Творческое наследие М. Пришвина, его повесть «Жень-Шень» пробуждает в нас любовь к людям, к природе, утверждая непоколебимые ценности человека с высокой духовностью и гуманизмом.

В текущее время война России с Украиной вызывает чувство тревожности во всем мире. Кризис гуманизма возникает из-за того, что технический прогресс опережает нравственное развитие и материальный мир поглощает духовную цивилизацию. Как осуществить духовно-нравственное воскресение, чтобы человек стал обладателем добрых качеств? Гуманистическое образование играет важную роль, особенно в воспитании молодежи, будущего поколения.

В повести «Жень-Шень» мы не заметили национальных границ. Наоборот, доброта сердец, красота мира и любовь к природе соединяют разные культуры, естественно направляют на путь общечеловеческой духовности. Всечеловеческий гуманизм раскрыл бесконечные возможности духа человека и преодолел всякую разобщенность народов и культур.

Повесть «Жень-Шень» М. Пришвина и известный канон конфуцианства «Лунь юй» выражают такие мысли, которые перекликаются с текущей международной ситуацией: «Човеколюбие народу нужнее, чем вода и огонь. Я видел, как погибали от воды и огня, но никогда не видел, чтобы погибали от человеколюбия» (Глава XV. 35. «Вэйский Лин-гун...») (民之於仁也，甚於水火。水火，吾見蹈而死者矣，未見蹈仁而死者也。論語/衛靈公篇第十五之35) [12, с.207].

References:

1. Bai Xi (2000) Ren zi guwen kaobian (Critical research on the ancient writing of the character ren) // *Zhongguo zhexue shi*. 3. p.96-98.
2. Gaganova A.A. (2014) Development of the female theme in the poetics of M. Prishvin // *Pushkin readings*. No. XIX. p.194-202.
3. Guo Li (2019) Study of the work of M. M. Prishvin in China: History and current state // *Philological sciences. Issues of theory and practice*. Volume 12. Issue 2. p.309-314.
4. Dvortsova N.P. (2003) Between Europe and Asia: Mikhail Prishvin's Siberian journey // *The city as a cultural space*. Tyumen. p.8-18.
5. Dvortsova N.P. (2019) Siberian plot in the fate and work of M.M. Prishvin // *New philological bulletin*. No. 1 (48). p.166-177.
6. Evteev S.A.; Perelet R.A. (eds.) (1989) *Our common future*. Report of the International Commission on Environment and Development: trans. from English / edited by S.A. Evteev, R.A. Perelet. Moscow: Progress. 371 p.
7. Edoshina I.A. (2017) The Far East and Solovki in the life of priest Pavel Florensky and writer Mikhail Prishvin. *Bulletin of Kostroma State University*. p.140-145.
8. Ivanov N.N., Volkova S.N., Tsivileva K.O. (2013) Mastery of Interpretation of Mythological Motifs in the Works of M. Yu. Prishvin *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 4. Volume I (Humanities). p.224-227
9. Kononchuk D.V. (2014) On the Origin and Meaning of the Confucian Category 仁 Ren // *On the Way Beyond the Great Wall of China. On the 60th Anniversary of A.I. Kobzev / Coll. of Authors*. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS), 2014. p.176-195.
10. Li Gen (2021) Intertextual connection of B. Akunin's novel "Vremena goda" with M. Prishvin's story "Zhen-shen" // *World of Russian-speaking countries*. Yaroslavl. No. 3 (9). p.82-90.
11. Lishova N.I. (2015) Orientalism in the works of writers of the Silver Age (based on the works of I.A. Bunin and M.M. Prishvin) // *Eurasian Union of Scientists (ESU)*. No. 1 (18). p.30-33.
12. Lun yu [Text] (2009) / translated into modern Chinese by Yang Bojun, translated into Russian, commentary and afterword by L.S. Perelomov; foreword. Yan Fengbin; verification from orig. Bai Chunren. Beijing: Publishing House of Teaching and Research of Foreign Languages. 330 p. (Chinese classics: in Chinese-Russian)
13. Malyavin V.V. (2018) About Russians, Chinese and the Eurasian situation. *Sredotochie. SREDOTOCHIE.RU*•Official website of Malyavin V.V. Russian-Chinese Center for Cultural Exchange and Education of Vladimir Malyavin. URL: <https://sredotochie.ru/o-russkix-kitajcax-i-evrazijskoj-situacii/> (date of access: 21.06.2024).
14. Mokhnatkina Yu.S. (2005) Philosophy of nature in the works of M.M. Prishvin and A.P. Platonova: dissertation ... candidate of philological sciences: 10.01.01. Vladimir. 165 p.
15. Mencius (1999) Preface. L.N. Menshikov. Transl. from Chinese, indicated. V.S. Kolokolov / Ed. L.N. Menshikov. SPb .: "Petersburg Oriental Studies". 272 p. ("Monuments of Culture of the East").
16. Nasr M.T. (2020): Images of Russian nature in the evolution of the artistic philosophy of Mikhail Prishvin. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. No. 3. p.172-181.
17. Prishvin M.M. (1983) *Collected Works in 8 volumes*. Volume 4. Moscow: Fiction, 736 p.
18. Xu Shen, Duan Yucai (2007): *Shuowen jiezi zhu* (with commentary). Nanjing: Fenghuang, 2007. 1456 (66) p.
19. Trubitsina N.A. (2011) The Cultural Neomyth of Mikhail Prishvin (based on the story "Zhen-shen"), *Yelets*, Issue 9. p.78-90.
20. Khmel'nitskaya T. (1959) *The Works of Mikhail Prishvin*. Leningrad: Sovetsky pisatel, 281p.

Information about the Author:

Wang Yi-Chun (Taipei, Taiwan) – Humanities Ph.D., Professor, Professor and Head of Department of Russian Language and Literature, Chinese Culture University.

E-mail: dorochka.w@gmail.com

Acknowledgements:

This article is supported by National Science and Technology Council (Grant NSTC 112-2410-H-034-016).

Данная статья выполнена при поддержке Государственного Комитета по науке и технологиям (грант NSTC 112-2410-H-034-016).

Contribution of the author. The work is solely that of the author.